

УДК 327, 271

ГОЛЛАНДЦЫ В ЯПОНИИ: ПЕРВЫЕ 100 ЛЕТ

© 2022 НОСОВ Михаил Григорьевич*

Член-корреспондент РАН

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

**E-mail: mikhailnosov@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.09.2022

После доработки 29.10.2022

Принята к публикации 01.11.2022

Аннотация. Конец XVI – начало XVII вв. было временем знаменательных событий как для Европы, так и для Японии. Реформация разделила Европу на католиков и протестантов. В 1581 г. Голландия стала независимым протестантским государством. Быстро развивающаяся экономика страны стала причиной активного развития мореплавания. Голландские моряки часто служили на португальских кораблях, но уже с конца XVI в. голландцы начали самостоятельно отправлять корабли в Азию. В 1595–1597 гг. Корнелиус де Хаутман добрался до Индонезии и вернулся в Амстердам с грузом пряностей. В эти годы в Японии заканчивался процесс объединения страны и создания централизованного государства. Католики, португальцы и испанцы, с которыми японцы с 1542 г. успешно вели торговлю, были объявлены врагами государства и высланы за попытки обратить японцев в католичество. Их место заняли голландцы, прибывшие в это время в Японию. В отличие от португальцев и испанцев они демонстрировали равнодушие к прозелитизму, не вмешивались во внутренние дела Японии и подчинялись приказам властей. Это дало голландцам возможность оставаться единственными европейцами в Японии до середины XIX века.

Ключевые слова: Европа, голландцы, Нидерланды, Япония, Токугава, торговля.

DOI: 10.31857/S0201708322070166

EDN: kxs dab

После внезапной смерти Хидэеси осенью 1598 г. один из его соратников Токугава Иэясу нарушил ранее оговоренный принцип «коллективного руководства» страной Советом пяти старейшин, одним из которых был будущий сегун. Несмотря на клятву передать власть пятилетнему наследнику Хидэеси Хидэери, Токугава не

собирался ее соблюдать¹. В 1600 г. он разбил своих соперников в битве при Сэкигахаре (в центральной Японии) и фактически захватил всю полноту власти. В 1603 г. Токугава получил от императора Го-Едзэя титул сегуна. У поверженных противников было конфисковано 87 провинций, и Токугава стал самым богатым человеком Японии и полновластным правителем страны. Административным центром стал город Эдо, переименованный в 1868 г. в Токио.

Новый правитель Японии первое время продолжал сотрудничать с иезуитами, в чьих руках находилась торговля с Европой и Юго-Восточной Азией. Однако эти отношения все меньше устраивали сегуна. Его беспокоил как рост влияния христианства, так и доходы иезуитов от торговли, не пополнявшие казну государства.

В начале XVII в. Токугаве Иэясу удалось установить контакты с голландцами и англичанами. В июне 1598 г. из Роттердама отправились пять кораблей с целью пройти в Тихий океан через Магелланов пролив. Из-за штормов и нападений Испании и Португалии, до Дальнего Востока в апреле 1600 г. дошел только галеон Де Лиефде (Любовь), приставший к японскому берегу на северо-востоке острова Кюсю. Из ста человек команды в живых осталось только 24. По приказу Токугавы помощник капитана корабля Ян Лоденстейн и штурман-англичанин Уильям Адамс, были доставлены в Осаку и допрошены правителем. В результате долгих бесед Лоденстейну предоставили временное разрешение на заход голландских кораблей в Хирадо. Оба получили покровительство власти и дворянство, став самураями с правом ношения мечей, однако были вынуждены навсегда остаться в Японии.

Хирадо

Получив согласие на торговлю с Японией, Лоденстейн, с разрешения Токугавы, на китайском корабле отправил письмо в Нидерланды, дошедшее через Батавию до штатгальтера (правителя) Нидерландов принца Морица Оранского (1567–1625). В 1609 г. в Японию пришел голландский корабль с ответным письмом, в котором принц, непримиримый враг католицизма, писал, что «иезуиты под покровом священности их религии собирались обратить японцев в свою религию, расколоть эту замечательную страну, что привело бы её к гражданской войне» [Jansen, 2000: 74]. Штатгальтер также подарил сегуну свинец и порох. Португальцы, в свою очередь, тоже не были высокого мнения о голландцах. По словам немецкого врача Энгельберта Кемпфера², «они делали все возможное и невозможное, чтобы очернить голландцев, называя их мятежниками, восставших против своего суверена – Испании, пиратами, самыми плохими и самыми бесчестными людьми в мире» [Voxer, 1950: 4–5].

Тем не менее после новой встречи с Токугавой голландцы получили грамоту, скрепленную красной печатью сегуната, разрешающую торговым кораблям заходы во все порты Японии. Сотрудничество между кланом Токугава и голландцами строилось на взаимных интересах. Обе стороны были заинтересованы в торговле.

¹ В 1615 г. Токугава Иэясу, все еще считая наследника Хидэеси угрозой своей власти, осадил Осаку, где жил Хидэери, и сжег замок вместе с его хозяином.

² Немецкий врач Энгельбрехт Кемпфер (1651–1716) был на службе у голландцев в Японии в 1690–1692 гг.

Кроме того, в Эдо рассчитывали на помощь голландцев в борьбе с католиками как на духовном, так и на военном «поле». Токугава Иэясу использовал пушки, снятые с галеона «Де Лиефде», в битве при Сэкигахаре, победа в которой привела к установлению власти сегуната над Японией вплоть до 1868 г.

С появлением голландцев, а затем англичан импорт пушек и огнестрельного оружия приобретал все большее значение. Сегун и его министры предпочитали получать в качестве подарков артиллерию и ее оборудование. В 1614 г. торговля шла особенно оживленно, поскольку Иэясу готовился к нападению на наследника Хидэери в Осаке и скупал все доступные орудия. Голландцы и англичане также отливали пушки в Хирадо, однако японцы предпочитали только произведенные в Европе: «лучше иметь одно такое орудие, отлитое в Европе, чем десять таких, которые когда-либо были отлиты в Японии» [Paske-Smith, 1930: 26–27].

Сегунат пытался перевести торговую деятельность европейцев с Кюсю на Хонсю, где она могла контролироваться центральными властями. Однако голландцы, а за ними англичане, тоже получившие разрешение на торговлю с Японией, предпочли Кюсю, где местные даймё активно вели торговлю с европейцами. В 1609 г. на острове Хирадо в 60 км от Нагасаки началось строительство торговой фактории, просуществовавшей там до 1641 г. Первоначально она предназначалась для португальцев, но после их изгнания было решено поселить там голландцев. Немалую роль в выборе места играл языковой фактор. Когда голландцы прибыли в Японию, общение с ними велось только на португальском языке, который в XVI в. был главным языком общения с иностранцами как в Японии, так и в других странах Азии. Когда Уильям Адамс встретился с Токугавой Иэясу, до появления португальского переводчика они изъяснялись жестами [Lange, 2006: 170].

Годы пребывания голландцев в Хирадо были наиболее успешными в торговле Нидерландов с Японией. Голландские корабли приходили в Японию в среднем 7 раз в год. Сегунат не препятствовал экспорту золота и серебра, а голландцы чувствовали себя в стране свободно: многие европейцы обзаводились семьями, беря в жены японок. Власти в то время полностью не контролировали жизнь японцев, а конкурентов в торговле становилось меньше. В 1617 г. сегун Токугава Иэясу продолжил курс на изгнание и уничтожение христиан. Роль в этом также сыграли интриги испанцев и португальцев против голландцев и англичан. Католики-испанцы угрожали сегуну призвать флот для изгнания протестантов. В ответ в 1622 г. была совершена жестокая расправа над католическими миссионерами и их японскими последователями. Третий сегун Токугава Иэмицу в 1623 г. познакомился с голландскими картами и глобусами. После изучения размеров мира и количества существующих стран он осознал малые размеры Японии и «пожелал, что бы ни один христианин больше никогда не появлялся на этой земле» [Boxer, 1950: 4–5].

В 1624 г. из Японии были высланы испанцы. Еще раньше страну добровольно покинули англичане, не увидевшие особых выгод от торговли с разоренной войнами страной. В 1636 г. из Хирадо изгнали португальцев, а японцам под страхом смертной казни запретили покидать страну без особого разрешения правительства. Голландцы остались единственными европейцами в Японии. Прагматичных японцев беспокоили не столько догматы католицизма, провозглашающие верность Риму

выше преданности господину, сколько возможность того, что христианство станет каналом колонизации страны европейскими державами. Им был известен пример соседних Филиппин, куда следом за миссионерами прибыли испанские солдаты.

В 1640 г. японцы приняли решение установить более строгий контроль над голландцами, несмотря на то что последние доказали преданность Японии, а точнее интерес в получении прибыли. В 1637 г. они полностью подчинились требованию сегуната действовать против 70 тыс. собратьев-христиан в Симобаре, понимая войну как гражданскую, а не религиозную. Японцы приказали главе голландской фактории Николасу Кокебакеру немедленно отправить корабли из Хирадо в Симобару и использовать пушки для подавления восстания. По его аккуратным подсчетам, корабль и береговая батарея, построенная голландцами, выпустили 426 ядер по восставшим [Kaempfer, 1906: 172]. Как писал Кемпфер, «они не доверяли даже нам, несмотря на готовность голландцев помочь власти в уничтожении тех, с кем голландцы разделяли главные постулаты своей веры. Они были готовы принести в жертву своим мирским интересам тех, кто следует за Христом и через те же ворота входит в Царство Небесное... несмотря на наше скромное покладистое и услужливое поведение, мы были так далеки от того, чтобы заслужить от этого гордого и ревнивого народа большего доверия или дружбы, и чем лучше мы старались их заслужить, тем больше они нас ненавидели и презирали» [Kaempfer, 1906: 173–174].

С 1609 по 1641 гг. в факторию в Хирадо пришел 221 корабль под флагом Нидерландов из 800 кораблей, побывавших в Японии с 1600 по 1853 гг. [Joby, 2021: 21]. Исходя из того, что на каждом корабле находилось около ста человек, половина из которых были голландцы, около 10 тыс. последних за эти годы находились в Японии. Так как режим пребывания моряков был достаточно свободным, пребывание европейцев способствовало распространению голландского языка. Японцы также не возражали против изучения их языка [Joby, 2021: 23]. Одним из первых официальных переводчиков с голландского на японский стал боцман с галеона Лифде Ян Койсен, ставший служащим Ост-Индской компании с зарплатой в 20 гульденов в месяц [Lange, 2006: 211, 215].

В 1641 г. голландцы были вынуждены покинуть факторию и переселиться на остров Дэсима в Нагасакском заливе, невзирая на то, что этот год был самым удачным и прибыльным за время пребывания в Хирадо. Поводом послужил надуманный инцидент: японцы обнаружили на фасаде здания склада дату постройки *Anno Domini* 1639 (1639 г. от рождения нашего Господа). Голландцам было приказано сравнить с землей недавно построенную факторию. Они немедленно выполнили этот неожиданный и необоснованный приказ, как позже писал Кемпфер, «с показным удовольствием» [Kaempfer, 1906: 173]. С этого времени только голландским и китайским кораблям было разрешено посещать Японию. С 1639 по 1854 г. Япония была закрыта для иностранцев, за исключением голландцев, изолировано живших на острове Дэсима, и китайцев, торговавших с Японией. Возможность изоляции определялась как островным положением страны, так и способностью обеспечивать основные потребности населения.

Дэсима

После переезда голландцы решили, что их переселение из Хирадо в Нагасаки означало признание их приоритета в торговле с Японией, что отчасти было верно.

Однако они не ожидали, что после относительно свободной жизни в Хирадо они попадут в «тюрьменное заключение», хотя и достаточно комфортабельное.

Искусственный остров площадью в 1500 кв. м начали строить в 1634 г. для португальцев на средства 25 жителей Нагасаки, получивших право на доходы от торговли с европейцами. Кроме того, они могли посещать территорию фактории и следить за поведением обитателей. По описанию Исаака Тицинга, занимавшего пост *Oppeerhoof* (главы фактории) трижды с 1779 по 1784 гг., остров Дэсима напоминал формой веер. В узкой части он соединялся с городом небольшим каменным мостом длиной в несколько шагов, на краю которого находилась караульная будка, где круглосуточно дежурили часовые. Еще четыре сторожевых поста находились по периметру острова. Весь участок был окружен деревянным забором, покрытым небольшой крышей с железными шипами. Остров пересекала одна широкая улица, а другая шла по его периметру. На южной стороне Дэсимы находились большие ворота, называвшиеся «водяными», которые открывались только для погрузки и разгрузки кораблей. В центре стояли дома главы фактории, его заместителя, врача и представителя губернатора Нагасаки. Голландцы разбили на острове небольшой сад и огород. На Дэсиме жили переводчики-японцы, была столовая, прачечная, свинарник и коровник [Titsingh, 1822: 170–171].

В воде, в нескольких шагах от острова, были установлены три высоких столба, на которых висел написанный большими иероглифами приказ губернатора, запрещающий всем судам и кораблям под страхом жестоких наказаний проходить мимо столбов и приближаться к Дэсиме. В конце моста вывешивали указы и распоряжения сегуната и приказы губернатора Нагасаки. На столбе перед входом в факторию висели строгие правила поведения как для её обитателей, так и для японских посетителей. Согласно этим распоряжениям: 1. Голландцы, покидающие остров, должны вернуться обратно в этот же день. 2. Товар не мог выноситься с острова до начала торгов. 3. С острова нельзя выносить спиртные напитки. 4. На остров нельзя вносить японское оружие, японские картины и куклы, изображающие японских воинов. 5. Голландские товары не должны продаваться японцам в частном порядке [Kempfer, 1906: 271]. Постоянный штат фактории состоял из 10–15 европейцев и 7–8 слуг из Индонезии или Индии и, как правило, менялся раз в год, хотя её руководители часто занимали высокодоходную должность несколько раз.

Японцы обыскивали всех сходящих на берег, кроме капитана судна, посещавшего факторию ежедневно. Он всегда надевал широкий голубой плащ, отделанный серебром, под которым три раза в день выносил с корабля контрабанду и вносил на корабль предметы, запрещенные к продаже. Когда в 1772 г. голландский корабль сорвался с якоря и был выброшен на мелководье, японские власти после обыска в каюте капитана нашли контрабанду. За этим последовало изменение процедуры выхода на берег. Всех, кто сходил на берег, включая капитана, стали тщательнее обыскивать дважды – на корабле и на берегу.

Японцы, обладавшие правом общаться с голландцами, перед вступлением в должность подписывали кровью клятву, которая запрещала им вступать в дружеские отношения с голландцами, предоставлять им информацию о языке, законах, нравах, религии или истории Японии, таким образом, общаться с ними за рамками

официальных обязанностей. Вход на остров был запрещен всем, кроме переводчиков, проституток и охранников. Для остальных требовалось специальное разрешение губернатора Нагасаки, хотя, как писал врач фактории Зибольд, «по слухам, любой японский посетитель, желающий получить допуск без этой формальности, может добиться успеха путем подкупа, выдавая себя за слугу одного из санкционированных или официальных посетителей» [Siebold, 1841: 32].

Власти запрещали иностранцам учить японский язык, поэтому коммуникация осуществлялась через переводчиков-японцев, число которых первое время было около 40. Для обитателей Дэсимы последние были не только помощниками в общении с японцами, но и частью режима контроля над голландцами. По словам Кемпфера, «переводчики не только самая обширная группа из всех, кто участвует в управлении нашим островом и торговлей, но и самая дорогая, и при этом наносящей наибольший ущерб нашей чести, свободе и благосостоянию. Два основополагающих принципа, которыми они руководствуются, это, во-первых, истинный патриотизм, который заставляет их делать все что в их силах, чтобы ощутимо увеличить ежегодные расходы голландцев, к выгоде их соотечественников. Во-вторых, они должны скрывать, насколько возможно, все те уловки и обманы, к которым они постоянно прибегают в своём отношении к нам. Обе эти цели они пытаются достичь, ограничивая нас все больше и больше, рассматривая это как самое надежное средство держать нас в неведении относительно языка страны и предотвратить любой разговор или знакомство с туземцами» [Kaempfer, 1906: 222].

Выход европейцев за пределы острова был предельно ограничен. Шведский врач фактории Тунберг пытался получить разрешение на сбор гербария в окрестностях Нагасаки. Вначале ему это запретили, но после изучения всех документов, связанных с факторией, японцы обнаружили, что много лет назад подобное разрешение получил помощник врача фактории. Разрешение было получено, но очень скоро отозвано, на основании того, что Тунберг был врачом, а не помощником. Однако через некоторое время японцы снова разрешили Тунбергу собирать растения. Основанием стало предположение, что «в случае отсутствия помощника врача право на сбор растений переходит к врачу» [Thunberg, 2005: 92–93].

Раз в год, в сентябре, жителям Дэсимы разрешалось посещать синтоистский храм Сува-дзиндзя в Нагасаки. Храм был построен в 1614 г. после указа Токугавы Иэясу о запрете христианства. Жители Нагасаки должны были регистрироваться в храме, отказываясь от христианской веры. Как отмечал Кемпфер, «эта прогулка обходится нам очень дорого, поскольку она должна совершаться в компании главного надсмотрщика, наших переводчиков и других служащих, которых мы щедро угощали за ужином в одном из храмов. По этому случаю мы еще и должны с показным удовольствием наблюдать, как быстро пустеют наши кошельки» [Kaempfer, 1906: 193].

Отношения между японцами и голландцами можно охарактеризовать сильной настороженностью первых и готовностью подчиняться вторых. При этом обе стороны успешно извлекали прибыль из торговли. Как писал Кемпфер, «алчность голландцев и манящая сила японского золота были столь велики, что, не желая отказываться от выгод торговли, они с показной готовностью терпели почти бессрочное заключение, ибо именно таким было наше пребывание в Дэсиме. Они предпочли терпеть многие лише-

ния в чужой и языческой стране, были готовы отказаться от богослужения по воскресеньям и торжественным праздникам, не молиться, не петь псалмы, полностью избегать крестного знамения, упоминания имени Христа в присутствии местных жителей и от всех внешних символов веры. Наконец, они терпеливо и покорно сносили оскорбительное и унижающее поведение этих гордых неверных» [Kaempfer, 1906: 174].

Торговля

В 1602 г. в Батавии (Джакарта) была создана голландская Объединенная Ост-Индская компания (*Verenigde Oostindische Compagnie – VOC*), получившая монопольное право на торговлю на территориях к востоку от мыса Доброй Надежды. Отношения с Японией также находились в сфере её деятельности. *VOC* просуществовала до 1799 г. На пике существования она была крупнейшей в мире торговой компанией, имела 25 тыс. сотрудников в Азии, 3 тыс. в Нидерландах, 150 коммерческих судов и 40 военных кораблей.

За 200 лет своего существования около миллиона европейцев покинули Голландию на кораблях компании, создавая колониальную империю от южной оконечности Африки до Китая. Хотя фактория *VOC* в Японии была самой малочисленной в компании, она ценилась за высокие доходы. В 1687–1688 гг. в представительствах на Цейлоне и в Батавии работало по 2500 человек, а на Десиме – около двадцати. С другой стороны, голландцы пользовались монополией в торговле с Японией, ставшей важным торговым партнером Нидерландов. До 1688 г., когда сегун запретил экспорт серебра, Япония была источником обильных и недорогих поставок этого драгоценного металла.

География голландского экспорта в Японию была очень широкой, а её номенклатура в основном отвечала вкусам и потребностям японской аристократии. В списке товаров, ввезенных в Японию в 1690 г., были шерстяные ткани из Европы, дерево из Бразилии, английские ювелирные изделия, буйволиные и олени рога, шкуры из Сиам и Камбоджи, белый сандал из Тимора, серебро из Бенгалии, фрукты из Восточной Индии, маринованные с турецким перцем, чесноком и уксусом, большие питьевые стаканы самого лучшего сорта, поддельные кораллы, диковинные птицы. К товарам широкого потребления можно отнести шелк-сырец и хлопок из Китая, Индии и Персии, пряности с Молуккских островов, сахар, свинец, карандаши, ртуть, напильники, иглы, очки [Kaempfer, 1906: 214–215].

Что касается импорта, хотя штат японской фактории составлял менее сотой процента от числа голландцев, работавших в *VOC* в Азии, до запрета вывоза серебра в 1688 г. торговля с Японией была наиболее прибыльной для компании. После этого из Японии вывозили прежде всего медь – 7 тысяч коробок в год весом по 57 кг каждой, около от 300 до 400 т на каждом корабле, а также камфару, изделия из лака, фарфор, шелк, рис, саке и соевый соус. Медь перепродавалась в Индии и Индонезии, а остальные товары предназначались для Европы.

С 1600 по 1853 гг. Японию посетило около 800 кораблей под голландским флагом [Joby, 2021: 21]. До 1641 г. голландские корабли редко посещали Японию. В 1641–1671 гг. в Японию приходило в среднем 7 голландских кораблей в год, в

1672–1715 гг. – 5 кораблей в год. После разрешения получали сначала два корабля в год, а с 1799 г. – 2. В период наполеоновских войн с 1803 по 1815 гг. торговля была фактически прекращена, а позже до 1853 г. в Нагасаки приходило от 1 до 2 кораблей в год. Морской путь в Японию был самым опасным маршрутом для кораблей *ВОС*. По подсчетам Тунберга, с 1642 по 1775 гг. голландцы в торговле с Японией потеряли более 25 кораблей [Thunberg, 2005: 80–81].

В XVII в. прибыль от торговли с Японией сделало Десиму самым богатым торговым пунктом компании. Однако доход от голландского экспорта, по оценке Кемфера, «почти не покрывал огромных расходов компании на содержание тысяч сотрудников и армии и составлял не больше 45 процентов, импорт из Японии, приносил такой же доход, как и экспорт, так что вся прибыль могла доходить до 80–90 процентов» [Kaempfer, 1906: 224]. С 1630 по 1730 гг. годовой доход компании в среднем составлял 2 млн гульденов, из которых от 50 до 75 процентов шли в доход акционеров, а оставшаяся сумма реинвестировалась в деятельность компании [Vries, 1997: 151].

В XVIII в. прибыль *ВОС* от торговли с Японией начала уменьшаться. В Европе Голландская Республика уступала свое ведущее место в торговле Англии и Франции, и Лондон заменил Амстердам в качестве мирового финансового центра. Также усилились торговые ограничения со стороны Японии. В 1728 г. в *ВОС* заговорили о закрытии японской фактории, а в 1743 г. торговый пост в Десиме впервые принес убытки. Кризис усугублялся ошибками руководства компании. Выплаты акционерам стали превышать сокращающиеся доходы компании, что в конечном итоге привело к ее роспуску. После национализации *ВОС* в 1799 г. торговля с Японией перешла под власть Батавской республики, находившейся с 1806 по 1813 гг. под оккупацией французских войск, и сильно сократилась. В 1824 г. торговля Нидерландов с Японией перешла в руки Нидерландской торговой компании (*Nederlandse Handelmaatschappij*) и утратила экономическое значение. Она существовала только как инструмент сохранения позиций Нидерландов в этой части мира.

Заключение

За эти годы голландцы прочно обосновались в Японии. Некомфортные условия пребывания компенсировались высокими доходами. Посещавшие Японию европейцы внесли значительный вклад в изучение страны. В отличие от исследований португальцев, которые обычно хранились в библиотеках их страны и часть которых дошла до широкого круга читателей только в XX в., работы голландца Исаака Титцинга публиковались на французском и почти сразу переводились на английский язык. Кемпфер публиковал исследования по истории Японии и свои впечатления на немецком языке, и его книги в скором времени переводились на английский.

В свою очередь, японцы усердно собирали информацию о Европе и мире. С 1641 г. в Эдо. регулярно издавался сборник «Ежегодные сообщения о событиях вокруг Японии», в котором содержались сведения, полученные от европейцев в Японии.

Первые сто лет коммуникация голландцев с японцами отличалась строгим отделением торговых вопросов от социального и культурного общения. Японцы относились к голландцам с уважением, а также с осторожностью и подозрением.

В результате голландцы и японцы были ограничены в общении не только в силу языкового барьера, но и правил сегуната относительно отношения к голландцам. Соблюдался строгий кодекс общения с европейцами, был запрещен ввоз книг, что ограничивало получение знаний о Европе.

Ситуация начала меняться с 1716 г., когда сегуном стал Токугава Ёсимунэ (1684–1751). Он разрешил ввозить в Японию европейские книги и значительно ослабил контроль над голландцами и их взаимодействию с японцами. С конца XVIII в. было закуплено более 10 тыс. книг, в основном по медицине, химии, математике, астрономии и географии. К этому времени снижалось значение торговли между Нидерландами и Японией, что во многом компенсировалось взаимным интересом к изучению друг друга.

Необходимость изучения голландского языка требовала создания полноценной языковой школы. Она была организована в конце XVII в. в Эдо под руководством Оцуки Гентаку (1757–1827), автора первого японского учебника голландского языка «Рангаку Кайтей» (Введение в голландский язык) в 1788 г. Овладевшие голландским языком японцы стали основателями и проводниками изучения европейских научных и культурных достижений и получили название «рангакуся» («голландоведы»). Как писал Оцуки Гентаку в предисловии своей книги, «до сих пор Китай считался самой цивилизованной страной, однако Голландия опережает его, поскольку их литература содержит науку» [Goodman, 1967: 122]. Именно переводчикам Япония обязана появлению европейских научных и технических достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Boxer C.R. (1950) *Jan Compagnie in Japan, 1600–1850*. Springer Dordrecht, the Hague, the Netherlands. 198 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-017-6147-5>
- Lange W. de (2006) *Through the eye of the needle: The First Dutch Expedition to Reach the Shores of Japan*. Floating World Edition. 257 p.
- Goodman G.K. (1967) *The Dutch Impact on Japan*. Brill, Leiden, the Netherlands. 248 p.
- Jansen M. (2000) *The Making of Modern Japan*. Harvard University Press, Cambridge, USA. 931 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9vr7>
- Joby Ch. (2021) *The Dutch Language in Japan (1600–1900)*. Brill, Leiden, the Netherlands. 494 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004438651>
- Kaempfer E. (1906) *History of Japan (1690–1692)*. Vol. II. J. MacLehose and Sons, London, UK. 337 p.
- Paske-Smith M. (1930) *Western barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days, 1603–1868*. J. L. Thompson & Company, Kobe, Japan. 431 p.
- Siebold Fr. (1841) *Manners and Customs of the Japanese in the XIX Century*. London, John Murray, USA. 423 p.
- Thunberg C. (2005) *Japan Extolled and Decried Carl Peter and the Shogun's Realm, 1775–1796*. Routledge, London, UK. 319 p.
- Titsingh I. (1822) *Illustration of Japan*. R. Ackermann, London, UK. 325 p.
- Vries J. de, Woude A. van der (1997) *The first modern economy: success, failure, and perseverance of the Dutch economy, 1500–1815*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 792 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511666841>

Dutch in Japan: First 100 years

M.G. Nosov*

Corresponding Member Russian Academy of Sciences
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya street, Moscow Russian 125009

*E-mail: mikhailnosov@mail.ru

Abstract. The late XVI and early XVII centuries were a time of momentous events for both Europe and Japan. The Reformation divided Europe into Catholics and Protestants. Holland rebelled against Catholic Spain in 1568 and became an independent Protestant state in 1581. The rapidly expanding economy provided the impetus for the Dutch to actively explore a world. Dutch sailors often served on Portuguese ships, but by the end of the XVI century the Dutch began to send their own ships to Asia. In 1595–1597 Cornelius de Houtman on a Dutch ship reached Indonesia and returned to Amsterdam with a cargo of spices. At the same time Japan was completing the process of unification of the country and the creation of a centralized state. The Portuguese and Spanish Catholics, with whom the Japanese had traded successfully since 1542, were declared enemies of the state for their attempts to convert the Japanese to Christianity and were expelled from Japan. Their place unexpectedly but for two and half centuries was taken by the Dutch, who happened to be in Japan at that time. Unlike the Portuguese and Spaniards, the Dutch were diligently indifferent to proselytism, did not interfere in Japan's internal affairs and were ready to obey all orders of the Shogunate. This gave them the chance to be the only Europeans in Japan until the middle of the XIX century.

Key words: Europe, Dutch, Netherlands, Japan, Tokugawa, trade.

DOI: 10.31857/S0201708322070166

EDN: kxsdab

REFERENCES

- Boxer C.R. (1950) *Jan Compagnie in Japan, 1600–1850*. Springer Dordrecht, the Hague, the Netherlands. 198 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-94-017-6147-5>
- De Lange W. (2006) *Through the eye of the needle: The First Dutch Expedition to Reach the Shores of Japan*. Floating World Edition. 257 p.
- Goodman G.K. (1967) *The Dutch Impact on Japan*. Brill, Leiden, the Netherlands. 248 p.
- Jansen M. (2000) *The Making of Modern Japan*. Harvard University Press, Cambridge, USA. 931 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9vr7>
- Joby Ch. (2021) *The Dutch Language in Japan (1600–1900)*. Brill, Leiden, the Netherlands. 494 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004438651>
- Kaempfer E. (1906) *History of Japan (1690–1692)*. Vol. II. J. MacLehose and Sons, London, UK. 337 p.
- Paske-Smith M. (1930) *Western barbarians in Japan and Formosa in Tokugawa days, 1603–1868*. J. L. Thompson & Company, Kobe, Japan. 431 p.
- Siebold Fr. (1841) *Manners and Customs of the Japanese in the XIX Century*. London, John Murray, USA. 423 p.
- Thunberg C. (2005) *Japan Extolled and Decried Carl Peter and the Shogun's Realm, 1775–1796*. Routledge, London, UK. 319 p.
- Titsingh I. (1822) *Illustration of Japan*. R. Ackermann, London, UK. 325 p.
- Vries J. de, Woude A. van der (1997) *The first modern economy: success, failure, and perseverance of the Dutch economy, 1500–1815*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 792 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511666841>